

А. М. Ермаков

Распределение гендерных ролей в Третьем рейхе в пропаганде Йозефа Геббельса

В статье анализируются взгляды нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса на распределение гендерных ролей в Третьем рейхе. Делаются выводы о связи идеологий германского национал-социализма и итальянского фашизма, о нетерпимости нацизма к маргинализированным моделям маскулинности, о связи нацистских гендерных представлений с другими компонентами идеологии национал-социализма, о соотношении традиционных и модернистских элементов в национал-социалистической идеологии.

Ключевые слова: национал-социализм, фашизм, Третий рейх, идеология, пропаганда, гендерные роли, фемининность, маскулинность, антифеминизм.

А. М. Ermakov

Distribution of Gender Roles in the Third Reich in Joseph Goebbels's Propaganda

In the article the Nazi minister of propaganda Joseph Goebbels's views at distribution of gender roles in the Third Reich are analyzed. Are made the conclusions about connections between the German national socialist ideologies and the Italian fascism, about intolerance of Nazism to marginalized models of muscularness, about connections of Nazi gender representations with other components of national-socialist ideology, about correlation of traditional and modernist elements in the national-socialist ideology.

Keywords: national socialism, fascism, the Third Reich, ideology, propaganda, gender roles, feminineness, muscularness, anti-feminism.

Гитлеровскому режиму в короткий срок удалось навязать немецкому обществу собственную гендерную идеологию с ее трактовкой маскулинности и гендерных ролей мужчины и женщины. По словам российского историка Л. Б. Черной, национал-социалисты «задурили, оболванили, одурачили, одурманили 70-миллионный народ настолько, что миллионы людей вообще перестали понимать, где правда, а где ложь, где черное, а где белое. И одним из тех, кто варил это адово зелье, бросавшееся людям в голову, одним из тех, кто создавал обстановку массового психоза в стране, был, конечно, Геббельс» [4, с. 285]. Действительно, очень важную роль в идеологической обработке населения Третьего рейха играл именно Йозеф Геббельс, с 1926 г. – гауляйтер Берлина, с 1930 г. – рейхсляйтер НСДАП по пропаганде, с 1933 г. – имперский министр народного просвещения и пропаганды, президент имперской палаты культуры. В качестве министра Геббельс отвечал за «духовное влияние на нацию, агитацию за государство, культуру и экономику, информирование о них общественности внутри страны и за границей». Под контролем Геббельса оказались пресса, радио, художественное и документальное кино, музыка, театр, литература.

Он был уполномочен бороться «с халтурой и грязью» во всех этих сферах [17, s. 104, 449]. Руководимое им министерство заранее мыслилось как учреждение, которое должно «подвести духовный фундамент под нашу власть, и не только в государственном аппарате, но и завоевать весь народ» [9, s. 28].

Как установила немецкая исследовательница Эльке Фрелих, Геббельс считал себя рупором и инструментом Гитлера [5, s. 493]. При этом в последние годы Третьего рейха, наполненные военными неудачами, министр пропаганды ввиду растущей изоляции Гитлера, реже и реже выступавшего перед населением, постепенно «приобретал роль его представителя. При этом получалось само собой, что он обретал большую свободу и больше возможностей для собственной инициативы. Из функционера, который выполняет указания, он превращался в инициатора, иногда – в “благожелательного” корректировщика, но никогда – в резкого критика или бунтаря» [16, s. 25]. Порой трудно установить, насколько официальная идеология, которую тиражировал и популяризировал Геббельс, совпадала с его собственными взглядами. Он не раз менял свои убеждения, руководствуясь личной выгодой или поли-

тическими соображениями. Вступив во взрослую жизнь левым интеллигентом, он стал сторонником классовой борьбы, когда примкнул к «левому крылу» НСДАП, а затем, переметнувшись от «левых» нацистов к Гитлеру, превратился в сторонника классового мира и непримиримого антисемита [4, s. 277].

О первоисточнике воззрений главного нацистского пропагандиста на распределение гендерных ролей, которые он внушал сначала членам партии, а потом и всему населению страны, позволяет судить дневниковая запись от 29 марта 1932 г.: «Фюрер развивает совершенно новые идеи о нашем отношении к женщине. Для следующего тура выборов они очень важны. Ведь именно в этой области во время первых выборов на нас жестоко нападали. Женщина – товарищ мужчины по полу и труду. Так было всегда и так всегда останется. И при сегодняшних экономических условиях она тоже должна оставаться собой. Прежде – в поле, сегодня – в конторе. Мужчина – организатор жизни, женщина – его помощница и исполнительный орган. Эта точка зрения очень современна и очень высоко поднимает нас над завистью всех дойчнационалов» [9, s. 72].

В наиболее общей форме и без подробных обоснований Геббельс выразил свою позицию в автобиографическом романе «Михаэль», вложив рассуждения об общественных функциях мужчины и женщины в уста главного героя книги Михаэля Фoorмана:

– «Мужчина – директор, а женщина – режиссер жизни. Он дает линии, а она – цвета»;

– «Задача женщины – быть красивой и производить на свет детей. Это вовсе не так грубо и несовременно, как звучит. Птица прихорашивается для самца и высиживает для него птенцов. Самец же берет на себя заботу о добыче пищи и защите гнезда, прогоняя врагов»;

– «Настоящая женщина любит орла. Женушка обрезает ему крылья и превращает в домашнюю птицу»;

– «Я ненавижу буйных женщин, которые вмешиваются во все и вся, не имея об этом ни малейшего понятия. При этом они чаще всего разучиваются выполнять свою настоящую задачу – воспитывать детей. Если быть современным равнозначно искусственности, развращенности, испорченной морали и планомерному разложению, то мое сознание – реакционное»;

– «Каждый отец, который производит на свет ребенка, тем самым делает политику. Каждая

мать, которая делает из мальчиков мужчин, уже является политическим существом».

Однажды возлюбленная Михаэля Герта Хольк попыталась оправдать феминистскую точку зрения, заявив: «Женщина... вынуждена выполнять самую жалкую работу. В то время как мужчина осваивает жизнь, она осваивает кастрюлю. Многие лучшие женщины сегодня против этого. Но им ничто не помогает. В конце концов, они опять возвращаются к кастрюле. Это ужасно». Однако Михаэль не терпит вторжения в «исконные» мужские сферы и возражает: «Но есть и отважные женщины, которые выходят за эти рамки, и потом: давать жизнь детям – это высшая профессия, которую могут выполнять люди». В конце концов Герта позволяет убедить себя и признает зависимость женщины от мужчины: «Мы, женщины, не можем жить без веры в какого-либо мужчину... Нам, женщинам, нужен кто-то, на кого мы могли бы опереться» [14, s. 16, 21, 40–42, 64, 99–100].

Таким образом, Геббельс занимал антифеминистскую позицию, отводя женщине роль матери, домохозяйки, спутницы и помощницы мужа. Он аргументировал свои взгляды «естественным», традиционным порядком вещей, социалдарвинистскими примерами, метафорами из животного мира и давними традициями. Мужчина, «самец», «орел» – не только единственное действующее лицо в политике, обороне и экономике, но и организатор, управляющий всем укладом жизни, в том числе и полем деятельности женщины – рождением детей, их воспитанием, семейным очагом. Эти воззрения соответствовали официальной нацистской линии, подводившей под традиционные взгляды на место в обществе мужчины и женщины расово-биологическое обоснование.

Одна из дневниковых записей 1930 г. показывает, что Геббельс еще до прихода нацистов к власти был готов распустить даже созданные самими национал-социалистами женские организации, такие как Немецкий женский орден (Красная свастика): «Фрау Кютемейер занимается там с Орденом женщин ерундой. Всю эту женскую чепуху нужно отправить туда, где ей место. Ради бога, уберите женщин из политики» [2, s. 109]. Намерение Геббельса ограничить «мир женщины» частной сферой, оставив за мужчиной все остальные области жизни, выражено в его речи 18 марта 1933 г.: «Быстрее всего в браке, семье и материнстве женщина может осознать свое высокое предназначение в деле службы на-

роду. Тем самым работающие и бездетные женщины ни в малейшей степени не исключаются из великого дела материнства в немецком народе. Они иным способом отдают нации свои силы, способности и чувство ответственности. Но мы убеждены, что социально реформированный народ должен видеть свою первую задачу в том, чтобы вернуть женщине возможность выполнить ее настоящую задачу – миссию в семье и миссию матери» [12, s. 121].

Импонирующую ему картину распределения гендерных ролей, воплощения собственных представлений о маскулинности и фемининности министр пропаганды наблюдал в 1933 г. в фашистской Италии: «Если Вы пришли на форум Муссолини, то можете увидеть на зеленых лужайках мальчиков из балиллы (фашистской организации для мальчиков 8–14 лет. – А. Е.), занимающихся гимнастикой и выполняющих вольные упражнения. А выше на мраморных скамьях сидят матери – большая община. Через громкоговорителя отдаются команды, и у каждого мальчика в глазах уже светится мужественность. Уже при взгляде на все ее поведение Вы понимаете, насколько эта молодежь дисциплинирована. Все это – будущие солдаты, солдаты фашизма, и эта молодежь пронизана убеждением: “Италия – нация первого ранга!”». По Геббельсу, символами новой фашистской молодежи стали «знания и власть, разум и сила» [12, s. 171–172].

Сферой, которая мыслилась главному пропагандисту Третьего рейха как исключительно мужской домен, являлось политическое руководство нацией, принятие политических решений, любое участие в политике. Его любимым высказыванием были слова немецкого историка XIX века Генриха фон Трейчке: «Мужчины делают историю». Эта фраза дважды встречается в романе «Михаэль», в опубликованных речах 18 марта и 29 июня 1933 г., а также 15 июля 1939 г. В книге «Борьба за Берлин» (1934 г.) министр пропаганды от имени всей партии провозглашает мысль Трейчке «нашим незыблемым убеждением». 19 апреля 1939 г. слова историка звучат в выступлении Геббельса, посвященном 50-летнему юбилею нацистского вождя, и спустя два года – вновь в связи с очередным днем рождения Гитлера [14, s. 23, 35; 12, s. 118, 150; 10; 13, s. 95, 464].

В марте 1933 г., сославшись на Трейчке, Геббельс добавил: он «не забывает», что женщины «воспитывают из наших мальчиков мужчин». Тем не менее, «национал-социалистическое дви-

жение – единственная партия, которая исключает женщин из непосредственной текущей политики... Не потому что мы не уважали женщин, а потому что мы их очень уважали, мы держали их далеко от парламентско-демократических интриг, которые определяли политику в Германии в течение прошедших четырнадцати лет. Не потому что мы видим в женщине нечто неполноценное, а потому что видим в ней и ее миссии нечто иное, чем предназначение, которое выполняет мужчина. Поэтому мы были убеждены, что женщина и, прежде всего, немецкая женщина, которая больше, нежели любая другая, является женщиной в настоящем смысле этого слова, должна прилагать свои силы и применять свои способности в иных сферах, чем мужчина» [12, s. 118–119].

29 июня 1933 г. он снабдил слова Трейчке иным пояснением: «Не следует понимать это таким образом, что только мужчина определяет политическую и историческую организацию жизни народа. Скорее, следует понимать это так, что мужчины формируют сырьевые массы, что сырьевые массы сами по себе не призваны управлять и руководить политическими структурами, что для этого требуется регулирующая рука отдельной созидательной личности. Политик – это художник. Для него сырьевая масса – только пластичное сырье. Пожалуй, величайший результат политической работы – сформировать из сырьевой массы человека с национальным сознанием, а затем превратить народ в национально-политическую величину» [12, s. 150].

Отождествление политика, государственного деятеля с мужчиной обретало и вербальное воплощение. Геббельс не мыслил в роли политика женщину и потому постоянно говорил и писал о политиках именно как о мужчинах, мужах (Männer): «руководящих мужах Америки», «влиятельнейших мужах английской политики», «влиятельных мужах в авторитарных государствах», «первых семи мужах, которые образовали зародышевую клетку нашего движения», «мужах революции» – национал-социалистах [12, s. 289, 290, 293; 8].

Объектом нападок Геббельса стали «ноябрьские мужи» (Männer des November, November-Männer), которых он считал недостойными именоваться государственными деятелями (Staatsmänner). В романе «Михаэль» о республиканских политиках говорится: «Карапузы, а не мужчины» [14, s. 106]. В статье, опубликованной в газете берлинских нацистов «Ангрифф» 25 июля 1927 г., Геббельс от имени всей нацистской пар-

тии писал: «Мы требуем правительства национального труда, государственных деятелей, которые являются мужчинами, и для которых смыслом и целью политики является создание немецкого государства» [11, s. 19]. Эта мысль содержится и в статье Геббельса о республиканских правительствах за 14 мая 1928 г.: «Только мужчины – насколько в этом случае вообще можно говорить о мужчинах без иронии – меняются. Может смениться и вывеска фирмы, можно обновить и драпировку. Но то, что скрывается за этим – республика, парламентаризм, демократия, безумная политика выполнения (Версальского договора. – А. Е.), – все это остается и никогда не может быть отменено путем выборов» [11, s. 77]. Наконец, в 1934 г. он утверждал, что «после Бисмарка у немецкого народа не было мужчин, а потому после его кончины больше нет и большой немецкой политики» [10].

В противоположность этому, как писал Геббельс 17 августа 1930 г., «НСДАП своей десятилетней борьбой доказала... что ее вожди – настоящие мужчины» [11, s. 87]. Еще 1 апреля 1929 г. он заявил: «Мы хотим видеть во главе Германии молодых мужчин, но они должны, как сказал Гете, быть крупными величинами, вооруженными ясностью и энергией и при этом – наилучшими намерениями и благороднейшим характером» [11, s. 65–66]. В написанной Геббельсом «Малой азбуке национал-социализма» говорится: «Кто сегодня может избирать в германский рейхстаг? Каждый, кто имеет немецкое гражданство и достиг 20 лет. Кто сможет избирать в наш будущий германский парламент? Всякий создающий мужчину, родившийся немцем» [6, s. 17–18]. Трагедия приход нацистов к власти как итог деятельности мужчин, как результат «сурового мужского самопожертвования» [9, s. 9], Геббельс вскоре после назначения Гитлера канцлером провозгласил безраздельное господство мужчин в политической сфере уже не как намерение оппозиционной партии, а как новую государственную линию: «Сегодня женщина играет в общественной жизни ту же самую роль, что и в другие времена. Никто, понимающий современность, не будет носиться с безрассудной мыслью вытеснить женщину из общественной жизни, с рабочего места, из профессиональной жизни, запрещать ей зарабатывать на хлеб насущный. Но при этом надо сказать, что вещи, которые являются делом мужчины, должны оставаться за мужчиной. К ним относятся политика и оборона» [12, s. 118].

Безраздельное господство мужчин в политике имело следствием иное господство – тоталитарную диктатуру во главе с вождем. «История – череда мужских решений, – писал Геббельс. – Победы одерживают не армии, а мужи, располагающие армиями. Европа будет реорганизована народами, которые быстрее других преодолеют безумие массы и вернуться к принципу личности... Ни один дуб не растет без почвы, корней и силы. Ни один муж не возникает из абстракции. Народ – его почва, история – его корни, кровь – его сила... Произведения искусства, изобретения, идеи, битвы, законы, государства – в их начале и конце стоит муж» [14, s. 114]. На открытии весенней Лейпцигской ярмарки 3 марта 1940 г. министр пропаганды вернулся к этим мыслям: «Величайший национальный капитал, которым может располагать тот или иной народ, – это мужчина-руководитель. На этот раз у нас есть такой муж, которого еще никогда не было в нашей истории» [13, s. 280].

Превращение политики в вотчину мужчин было тесно связано с нацистскими методами политической деятельности, основанными, особенно в годы борьбы за власть, на применении мужской физической силы. Дневники Геббельса 1920-х – начала 1930-х гг. изобилуют описаниями столкновений: «26 апреля 1928. Вечером еще целый ряд нападений. В Мюнхене наши парни сорвали собрание Штреземана. Героический штрих»; «1 октября 1928. 15 000 человек. Музыка и речи... На улице драка с коммунистами. 23 ранено, 3 тяжело. Летят камни. Любовь и ненависть» [2, s. 63, 77]. 28 мая 1932 г. на заседании прусского ландтага «какой-то коммунист бьет нашего партийного товарища в лицо. Это сигнал для сведения счетов. Все происходит коротко, но ясно. Сражаются чернильницами и стульями. Через три минуты мы остаемся в зале одни. Коммунисты изгнаны, а центристские партии искали спасения в заблаговременном бегстве. Наша фракция поет песню Хорста Веселя (нацистский партийный гимн. – А. Е.). Восемь тяжело раненых из разных партий. Это предостережение. Только так можно добиться уважения к себе. Пленум являет собой зрелище ужасного опустошения. Мы стоим как победители на руинах» [9, s. 101].

Геббельс то и дело требовал физической расправы с противниками – журналистами, редакторами, коммунистами, «красными», евреями: «забить палками», «истребить как крыс», «публично избить на улице». Он утверждал, будто Веймар-

скому государству «импонирует только кулак под носом» [9, s. 24], и внушал партийцам: если кто-то оскорбляет Германию – «ударь его кулаком», если «тебе отказывают в твоём законном праве, то Господь даёт тебе кулачное право» [7, Umschlagseite]. 10 июля 1932 г. рейхсляйтер по пропаганде с удовлетворением замечает, что его агитационные усилия не пропали даром: «Национал-социалист чувствует себя хорошо только тогда, когда он может бороться. Прежде всего я констатирую это при посещении нескольких опорных пунктов СА. Наша молодежь неистовствует. Они не подведут» [9, s. 126]. Напротив, политические противники НСДАП, руководимые евреями, «не имеют ни малейшего понятия о народной душе. Они все время бьют мимо цели. Они совершают подлость, если ещё и женщин втянут в грязь этой повседневной борьбы. Но когда мы однажды придем к власти, мы отомстим им сторицей!» [9, s. 20]

Апогеем господства мужской силы и сугубо мужским занятием для Геббельса была война. В речи 18 марта 1939 г., произнесенной по поводу оккупации Германией Чехословакии, он заявил: «Мы любим эту эпоху, потому что сейчас делается история. Эта эпоха заставляет наши сердца биться сильнее, потому что она обладает мужским характером, потому что мужской характер этой эпохи кажется нам более ценным и важным, нежели временные трудности, связанные с этой великой эпохой... Потому что она представляет собой проверочное поле для настоящих талантов и мужских способностей». В выступлении 3 марта 1940 г. нацистский министр пропаганды заметил: «История показывает, что, в конечном счете, решение о войне всегда принимается мужчинами и они же выигрывают войны». 18 марта 1941 г. он прямо назвал войну «мужским временем», «мужской эпохой» [13, s. 74–75, 280, 429]. Правда, женщины, как признал Геббельс 16 февраля 1940 г., «тоже ведут войну», но только присущим им способом – «они рожают детей» [2, s. 218].

Первостепенная роль мужчины в экономической жизни нации обосновывалась Геббельсом ссылками на исторически сложившийся порядок вещей, которого национал-социалисты намеревались придерживаться. «Во все времена женщина была не только половым, но и трудовым товарищем мужчины. Как в стародавние времена она была товарищем мужчины во время тяжелой работы в поле, так она переселилась вместе с ним в города, вместе с ним она пришла в конторы и в фабричные цеха, взяла на себя часть его работы,

ту часть, которая более всего соответствовала ее сущности и была ближе ее предназначению. Она выполняла эту работу со всей верностью, беззаветной самоотдачей и жертвенностью», – заявил министр пропаганды 18 марта 1933 г. [12, s. 118].

Геббельс решительно противился всяким подвигам в распределении гендерных ролей. Когда в беседе с вождем Германского трудового фронта Робертом Леем 25 августа 1940 г. выяснилось, что «он хочет – и именно во время войны – основать Дом мод, которому бы его жена и Магда (жена Геббельса. – А. Е.) покровительствовали», министр пропаганды выступил «категорически против»: «Жены должны сидеть дома и появляться на людях только с мужьями. Так хочет народ, и это правильно» [2, s. 234]. 7 июня 1942 г. Геббельс, бросая Веймарской республике упреки в извращении незыблемых ценностей, припомнил: «Над многодетным отцом семейства подсмеивались как над забавной фигурой времени, а мальчики-гомосексуалисты выдавались за идеальные фигуры новой немецкой мужественности».

Впрочем, ввиду неясных, а порой и противоречивых документальных свидетельств трудно дать однозначную оценку действительного отношения Геббельса к тем, кто выходил за рамки установленных национал-социалистами норм мужского поведения в сексуальной сфере. Во-первых, он, как и другие нацистские лидеры, возлагал ответственность за сексуальные связи целиком на мужчину, который всегда считался их инициатором и главным действующим лицом. Известная киноактриса и режиссер Лени Рифеншталь, подвергшаяся сексуальным преследованиям Геббельса, заметила: «У него явно не укладывалось в голове, что женщина может отвергать его ухаживания» [3, s. 128]. Во-вторых, главный пропагандист Третьего рейха основывал свою позицию на расовых критериях и на мнении вождя, с которым всегда безоговорочно соглашался. Об этом свидетельствует дневниковая запись 27 июля 1938 г.: «Вопрос: что будет с арийками... которые имели портящие расу отношения с евреями? Фюрер решил: ничего. Только мужчина должен в каждом случае нести тяжелейшую ответственность» [2, s. 196].

Однажды в ноябре 1932 г., беседуя с Рифеншталь, Геббельс заговорил о гомосексуализме. «Он сказал, что Гитлер испытывает крайнее отвращение к гомосексуалистам, в то время как сам он более терпим и не осуждает всех скопом». Рифеншталь предположила, что, «вполне вероятно, у

всех людей в той или иной мере существуют зачатки обоих полов, особенно у артистов и художников, но это ни в коем случае не имеет никакого отношения к вине или неполноценности», и Геббельс «неожиданно согласился» [3, s. 125]. Однако когда в середине 1930-х гг. Гитлер обрушился на католическую церковь, избрав одним из аргументов против нее распространение гомосексуализма среди священников, министр пропаганды полностью поддержал его. В дневниковых записях Геббельса за 1936 г. не раз встречаются упоминания о гомосексуализме католических пасторов, для борьбы с которым нацистское государство использовало параграф 175 уголовного кодекса [18, s. 839]: «29 мая 1936. Большой процесс о безнравственности против католических священников. Все – 175. Фюрер считает это характерным для всей католической церкви»; «4 июля 1936. Суровый приговор католической церкви и ее монастырям по 175-й. Это надо выжечь»; «11 октября 1936. Католическая церковь – банда педерастов». В это же время министр пропаганды обсуждает с Фюрером «книжную политику» именно сквозь призму борьбы с гомосексуализмом: «Немного эротика надо оставить, не то все у нас станут 175-ми» [2, s. 176, 178].

Геббельс допускал и сам обосновывал изменения в устоявшемся распределении гендерных ролей только в тех случаях, когда этого требовали интересы сохранения нацистского господства. Когда поведение задиристых штурмовиков стало наносить ущерб авторитету гитлеровского правительства за границей, министр пропаганды перестал говорить о палках и пистолетах, ножах и кулаках. Теперь он призывал «старых бойцов» заняться «малыми делами», которые прежде возлагались на женщин-нацисток, – сбором пожертвований и распределением собранных средств среди нуждающихся, раздачей листовок и расклейкой плакатов. В своем новогоднем обращении 1934 г. Геббельс попытался представить исполнение подобных «женских» обязанностей как мужественное и увлекательное занятие [1, s. 108]. В речи о тотальной войне 18 февраля 1943 г. министр пропаганды призвал немок ради достижения победы заменить мужчин на предприятиях и в учреждениях. Но, во-первых, он трактовал эту меру как временную, во-вторых, устанавливал отчетливые границы женского труда: никто не потребует, «чтобы женщина, у которой нет для этого физических задатков, шла на тяжелое производство, например, на танковый завод» [15, s. 195].

Таким образом, сконструированная Геббельсом модель гендерных отношений являлась важной составной частью нацистского мировоззрения. Она была прочно связана с культом силы, насилия и войны, расизмом и антисемитизмом, неприятием демократической формы правления и феминизма, апологией тоталитарной диктатуры во главе с харизматическим вождем, презрением к академическим знаниям и «книжной премудрости», отрицанием классовых и социальных различий, прославлением социально однородного сообщества всех немцев. Трактовка мужских и женских гендерных ролей сближала германский национал-социализм с другим тоталитарным феноменом XX в. – итальянским фашизмом.

Представления министра пропаганды о гендерных ролях базировались на традиционных взглядах и были открыто нацелены против модернизации общественных отношений. Он заимствовал из немецкого прошлого трактовку политической деятельности и военного ремесла как мужских прерогатив, а также понимание исторического процесса как последовательности решений, принимаемых мужчинами, как череды сменяющих друг друга королей, канцлеров и императоров и как следующих одна за другой войн.

Характерными для риторики Геббельса были обещания восстановить старое распределение гендерных ролей и тем самым вернуть женщинам женственность, а мужчинам – мужественность. Геббельс бескомпромиссно выступал против феминистских идей, допуская лишь временное и частичное, обусловленное конкретной ситуацией проникновение женщин в отдельные «мужские» сферы. Нередко он трактовал отклонения от традиционного распределения гендерных ролей как феминизацию мужчин и маскулинизацию женщин. С особым рвением, желая «выжечь» гомосексуализм, министр пропаганды обрушился на тех мужчин, которые практиковали нетрадиционное сексуальное поведение. Поскольку Геббельс доводил до населения официальную точку зрения, можно утверждать, что нацизм проявлял крайнюю нетерпимость к маргинализированным моделям маскулинности.

Библиографический список

1. Кунц К. Совесть нацистов [Текст] / К. Кунц. – М. : Ладомир, 2007. – 400 с.
2. Ржевская Е. В. Геббельс. Портрет на фоне дневника [Текст] / Е. В. Ржевская. – М. : АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2004. – 400 с.

3. Рифеншталь Л. Мемуары [Текст] / Л. Рифеншталь. – М. : Ладомир, 2006. – 699 с.
4. Черная, Л. Б. Коричневые диктаторы (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). [Текст] / Л. Б. Черная. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 480 с.
5. Fröhlich E. Joseph Goebbels und sein Tagebuch [Text] // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1987. H. 4. – S. 489–522.
6. Goebbels J. Das kleine ABC des Nationalsozialismus. [Text] - o. J. – 24 S.
7. Goebbels J. “Der Nazi-Sozi”. Fragen und Antworten für den Nationalsozialisten. [Text] – Elberfeld: Verlag der Nationalsozialistischen Briefe, 1932. – 21 S.
8. Goebbels J. Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus. [Text] Berlin, 1934. – 12 S.
9. Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern. 4. Aufl. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1934. – 308 S.
10. Goebbels J. Kampf um Berlin: der Anfang. [Internet source] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1934 // <http://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/kampfumberlin/kub00.html> (05.08.2004).
11. Goebbels J. Der Angriff. Aufsätze aus der Kampfszeit. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1935. – 340 S.
12. Goebbels J. Signale der neuen Zeit. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1940. – 362 S.
13. Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1941. – 595 S.
14. Goebbels J. Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern. 17. Aufl. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1942. – 158 S.
15. Goebbels J. Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43. [Text] – München: Zentralverlag der NSDAP, 1944. – 463 S.
16. Moltmann G. Goebbels' Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943 [Text] // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1964. H. 1. – S. 13–43.
17. Reichsgesetzblatt. 1933. Teil I. [Text].
18. Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. [Text].